

М. А. Максимович

**Письма о Киеве и
воспоминание о Тавриде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М17

М17 **Максимович М.А.**
Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде / М. А. Максимович – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-4241-8984-5

ISBN 978-5-4241-8984-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМА О КЛѢВѢ

къ

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

СТАРОМУ ТОВАРИЦУ.

Тебя влечетъ еще стремленье
 Всемирной суеты,
Широкошумное движенье,
 Какъ прежде, любишь ты;
Тебя еще не притомила
 Житейская печаль,
И ты готовъ, товарищъ милый,
 Еще стремиться вдаль....

А я, свернувъ съ большой дороги,
 Отшельникомъ ужъ сталъ;
И унялись въ душѣ тревоги,
 Которыми страдалъ;
Воспоминаніемъ богатый,
 О міръ я забылъ,
И въ тишинѣ убогой хаты
 Творца благословилъ.

14 марта 1866 г.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

....Какой дорогой подарокъ для Кіева сдѣланъ въ Москвѣ къ новому 1868 году! Я говорю объ *Описаніи Кіева*, вновь обработанномъ Николаемъ Закревскимъ. Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому археологическому обществу, не пощадившему иждивенія на изданіе этой обширной книги! Хвала трудолюбивому уроженцу кіевскому, такъ усердно и долго работавшему надъ описаніемъ древней матери городовъ русскихъ! Полнотою содержанія оно превосходитъ всѣ бывшія доселѣ описанія и обзорѣнія Кіева: это, можно сказать, запасный магазинъ всякихъ извѣстій, свѣденій, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ.

Въ послѣдніе два года, ты желалъ моихъ замѣчаній о разныхъ кіевскихъ мѣстахъ: и я уже сообщилъ тебѣ малую-толику (отъ *Китаевскаго Городища*, въ немъ же я вижу древній *Перестыченъ*, и до *Юркова потока*, въ немъ же ка-

залась мнѣ древняя рѣчка *Стѣтомль*). Вотъ и новый къ тому поводъ: предлагай мнѣ вопросы обо всемъ, что тебя озадачитъ въ книгѣ Закревскаго, и я охотно буду писать отвѣты, привыкнувъ издавна сообщать тебѣ приватно и печатно мои замѣтки объ историческихъ мѣстностяхъ Кіева и всей Украины. Я и теперь, какъ видишь, начинаю снова писать тебѣ мои примѣчанія и воспоминанія о Кіевѣ.... На первый разъ — беру Фундуклево *Обозрѣніе Кіева*, на которое и ты ссылался въ своихъ *Изслѣдованіяхъ*.

Незабвенный для Кіева Иванъ Ивановичъ Фундуклей, будучи гражданскимъ губернаторомъ, оказалъ важную услугу исторической наукѣ — изданіемъ трехъ знаменитыхъ книгъ о Кіевѣ и Кіевской губерніи. На эти книги ссылаются всѣ, какъ на книги *Фундуклеевы*; да и нельзя иначе: онѣ *изданы* отъ его имени; онѣ составились по его мысли, при его участіи и содѣйствіи, и безъ него — ихъ не было бы. Глядя на нихъ, онъ можетъ сказать словами давняго воеводы кіевского Ходкевича: «не пощаждѣхъ отъ благодарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати!»

Первую изъ тѣхъ книгъ, *Обозрѣніе Кіева*, Закревскій присволяетъ — *Журавскому*. «Это краткое, но тщательное *сочиненіе г. Журавскаго* составляетъ очень полезный и пріятный трудъ» — гово-

ритъ онъ въ источникахъ (с. 908). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ одному анониму: «Замѣтимъ автору, что Обзорѣніе Кіева въ отношеніи древностей *сочинено г. Журавскимъ*» (стр. 343). Въ третьемъ мѣстѣ: «г. Журавскій, какъ видно изъ его, впрочемъ *весьма добросовѣстнаго, сочиненія*, не посвящалъ себя исключительно изученію кіевскихъ древностей» (стр. 407). Да и по всей книгѣ Закревскаго: *Журавскій пишетъ.... Журавскій замѣчаетъ.... Журавскій сообщаетъ....* и т. п. А покойный Журавскій повиненъ въ обзорѣніи Кіева—ни мыслию, ни словомъ, ни строчкою, ни точкою; и г. Закревскій испестрилъ свою книгу его именемъ — понапрасну! Журавскій былъ специалистъ въ статистикѣ, и потрудился въ третьей книгѣ Фундуклеевой, въ «Статистическомъ Описаніи Кіевской губерніи». Но и въ той книгѣ — вся историческая часть о Кіевской губерніи и ея городахъ была изготовлена еще до появленія Журавскаго въ Кіевѣ.

Чтобы поправить ошибку Закревскаго, такъ невпопадъ огласившаго невѣдомое для него производство тѣхъ книгъ, я долженъ сказать тебѣ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ.

По части кіевскихъ древностей, рабочимъ чело-
вѣкомъ у И. И. Фундуклея былъ *Семенъ Крыжановскій*, тотъ самый, о которомъ говорится и

въ Описаніи Кіева, по его статьямъ о кіевскихъ мозаикахъ и софійскихъ фрескахъ (см. на стр. 778 и 910). Закревскій замѣчаетъ о немъ: «жаль только, что у автора видна склонность блеснуть ученостью, не всегда къ дѣлу подходящею». Почему же бы и не блеснуть иногда ученостью тому, кто окончилъ курсъ наукъ въ академіи кіевской; въ сороковыхъ годахъ постоянно копался въ софійской бібліотекѣ и тамошнемъ архивѣ; а въ послѣдствіи работалъ въ новосоставленномъ центральномъ архивѣ кіевскомъ?... Но покойный Семенъ Крыжановскій былъ смиренный труженикъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ не разъ приходится повторять съ Іовомъ: «не искушеніе ли житіе человѣку на земли, и якоже наемника повседневною жизнь его!» *Добросовѣстно и тщательно* работалъ онъ года два или три надъ «Обозрѣніемъ Кіева». Наконецъ въ 1847 году, когда и транспортъ съ рисунками для *Обозрѣнія* былъ уже на пути изъ Парижа, вызвали и меня въ Кіевъ.

Памятно для меня 15-е мая. Ночевавши въ Броварахъ, я рано утромъ пріѣхалъ къ Днѣпру. Онъ былъ тогда въ полномъ разливѣ; а на поромахъ переправляли цѣлую дивизію, и мнѣ приходилось дожидаться до слѣдующаго дня. Но тогда извѣстный своею книжкою козакъ *Осьмакъ*,

содержатель перевоза, и товарищъ его *Скокз*, поспѣшали въ Кіевъ на торги, и предложили мнѣ оставить бричку мою на берегу до завтра, а самому отправиться съ ними. Солнце свѣтило ярко, но вѣтеръ былъ сильный, и волны на Днѣпрѣ клубились *барашками*; а лодка была крошечная, *душегубка*.... Кое-какъ усѣлся я въ ней самъ-третій, между двухъ козаковъ. Жутко было мнѣ, пока отплывали отъ берега. «Онъ глотаетъ людей, какъ мухъ» — говоритъ Гоголь о взволновавшемся Днѣпрѣ. Но когда мы уже очутились надъ самою глубиною Днѣпра, мнѣ стало необычайно легко и безопасно. Живо мнѣ тогда воображались и твои Варяги, и мои Запорожцы, нѣкогда сновавшіе по здѣшнимъ волнамъ. А эти горы — ненаглядныя, святыя кіевскія горы!....

Того же дня мнѣ вручено было *Обозрѣніе Кіева*, съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ царскому приѣзду; и я охотно взялся за это дѣло. Печатаемая готовый текстъ *Обозрѣнія*, кое-гдѣ поправленный рукою Ивана Ивановича, я написалъ передовой *Очеркъ Кіева* и пополнилъ *Примѣчанія* изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для третьей книги моего *Кіевлянина*. Туда вошли: мои выписки трехъ записей изъ Никольскаго евангелія 1411 года; листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щеговицу, сообщенный мнѣ

покойнымъ Д. Зубрицкимъ еще въ 1841 году, и прочая.... Въ половинѣ іюля, къ Владимірову дню, Обзорніе Кіева было совсѣмъ готово, въ великолѣпныхъ переплетахъ работы Штробиндера.... Вотъ тебѣ и *Журавскій!*

15 января 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Вчера я описалъ тебѣ 15-е мая, въ которое поспѣшалъ я — *на перевозъ, на Кіевъ*. Мнѣ памятно еще одно 15-е мая, надъ Москвой рѣкой, когда мы съ тобою — помнишь, въ 1850 году — поспѣшали въ Симоновъ. Въ тотъ день былъ у Мельхиседека *обѣдъ силенъ*, ради дорогаго гостя его, возвращавшагося изъ Петербурга въ Одессу. И какъ доволенъ былъ тогда Иннокентій, что наконецъ вырвался изъ Петербурга! Тогда, между прочимъ, онъ сказалъ намъ наединѣ: «*novus ordo* зачинается въ мірѣ» — и это было послѣднее изрѣченіе, слышанное мною изъ устъ его.... я видѣлъ его тогда уже въ послѣдній разъ!

Въ Кіевѣ былъ я провожатымъ къ Иннокентію, въ Братскій монастырь — тебѣ, и Надеждину,

и Жуковскому, и другимъ, изъ которыхъ ты одинъ уже остался на этомъ *вольномъ свѣту*.... Тебѣ и посвящаю мои воспоминанія о *Иннокентіи Кіевскомъ*.

Я увидѣлъ его въ первый разъ 15-го іюля 1834 года, на торжественномъ открытіи университета св. Владиміра. Въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора, сидѣлъ я у каяедры, съ которой звучала латинская рѣчь профессора Якубовича *De pulchro Platónico*; а сидѣвшій возлѣ меня графъ Протасовъ нашептывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней, чѣмъ доказывалось, что латинскій языкъ ему извѣстенъ. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную, парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митрополитъ Евгеній, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ! Объ-руку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой *двенадцатаго* года, фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносили я дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ новорожденнаго университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора академіи.... и я угадалъ его! По окон-

чаніи акта, я успѣлъ подойти къ нему: и его первое, теплое слово мнѣ и рукожатье были залогомъ той пріязни, которою скрашена была моя семилѣтняя служебная жизнь въ Кіевѣ. Особенно въ первый годъ, когда, послѣ разлуки съ моими московскими друзьями и товарищами, одолѣвала меня сильная тоска, въ моемъ здѣшнемъ университетскомъ одиночествѣ, сдруженіе съ Иннокентіемъ было благотворною опорой для души моей. Незабвенны мнѣ тогдашнія его бесѣды со мною по вечерамъ; и его длинная келія въ Братскомъ монастырѣ, вся заваленная книгами и газетными листами; и выходная дверь изъ нея въ небольшой садъ, отдѣленный отъ міра каменною стѣною и ушпигованный (по выраженію Гоголя) устремленными къ небу тополями. Сколько разъ я приходилъ туда истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скороспѣшностью фонъ-Брадтре: и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душею и мыслию!....

И довелось мнѣ послѣ того лѣтъ черезъ двадцать быть въ томъ саду, среди учениковъ Иннокентія, собравшихся къ отцу ректору Антонію на чай, въ храмовой день Святаго Духа. Только-что собрались, приносятъ телеграфическое извѣстіе изъ Одессы, что вчера, въ Троицынъ день, пресвященный Иннокентій скончался. Всѣ были по-